

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

— — — — —

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.
1916.

(съ 1 портретомъ и 7 таблицами).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1917.

Θ. Е. Коршъ и востоковѣдѣніе¹.

«Нужна тѣсная связь ориѣнталистовъ съ филологами». «...Востоковѣдѣніе есть только и исключительно одна изъ вѣтвей историко-филологической науки...»

Бар. В. Р. Розентъ. (О вост. фак. и вост. као., ЖМНПр., 1891, I, стр. 163 и 165).

Какъ экзотическій цвѣтокъ, оторванный отъ родной земли, прозябало востоковѣдѣніе въ Московскомъ Университетѣ XIX вѣка, хотя, казалось бы, почва восточно-европейской равнины, вспоенная соками восточныхъ народовъ и культуръ, представляла благодарный матеріалъ для изученія восточныхъ языковъ въ Москвѣ, центрѣ скрещенія европейской и азіатской цивилизацій. Въ первой половинѣ XIX вѣка неоднократно слышались голоса о пользѣ изученія восточныхъ языковъ въ Россіи, на которую судьба возложила культурныя задачи на Востокъ — то скажетъ объ этомъ Сенковский, родоначальникъ русскихъ арабистовъ въ Петроградѣ, то ученикъ блестящаго французскаго ориѣнталиста Сильвестра де-Саси, Шармуа. Но то было въ Петроградѣ; въ Московскомъ Университетѣ смѣнялись поколѣнія профессоровъ и преподавателей, а отъ кафедръ восточныхъ языковъ отдавало затхлой рутиной; ничто не измѣнилось и тогда, когда кафедрѣ занялъ профессоръ П. Я. Петровъ, учившійся за границей у Боппа: методы преподаванія были элементарны и не поднимались надъ уровнемъ начетничества. Но вотъ, на склонѣ преподавательской дѣятельности профессора-полиглotta, почти одновременно вошли въ его аудиторію три студента: Θ. Е. Коршъ, Вс. Θ. Миллеръ, Ф. Θ. Фортунатовъ.

Среди этой славной академической тройцы, вознесшей языковѣдѣніе въ Московскомъ Университетѣ на недостижимую высоту, пальма первенства принадлежитъ Θ. Е. Коршу, — прозрачная ясность мысли, остроумный блескъ изложенія, безгравичная широта горизонта, — все соединилось въ

¹ Читано 16-го февраля 1916 года въ торжественномъ публичномъ зазданіи Историко-Филологическаго Факультета Московскаго Университета, 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ и Обществъ: Московскаго Археологическаго, Любителей Россійской Словесности и Психологическаго.

этомъ тщедушномъ на видъ, гениальномъ человѣкѣ, который какимъ-то одному ему открытымъ путемъ постигъ тайны человѣческой рѣчи: когда онъ хотѣлъ, онъ былъ и классикъ, и славистъ, и ориенталистъ. Тяпъ универсальнаго ученаго, которому ничто человѣческое не было чуждо, О. Е. Коршъ былъ непостижимо многограбенъ въ научныхъ изысканіяхъ, и, въ вѣкъ узкой специализаціи, не могъ быть оцѣненъ по достоинству.

Востоковѣдніе, часть многообразнаго труда Корша, занимавшая подчиненное мѣсто, какъ средство для проникновенія въ міръ славянской, захватывалось, однако, у него такъ широко, что только вся семья востоковѣдовъ, входившихъ въ живое, непосредственное общеніе съ этимъ «Хаджи-баба», который на время перекочевывалъ изъ Москвы въ Петроградъ, — сумѣла бы точно опредѣлить значеніе великаго самородка-ориенталиста. Оно, быть можетъ, и распылялось: Коршъ проявлялъ себя не только и не столько въ печати, сколько въ бесѣдѣ, когда мысль непрерывно вспыхивала яркимъ огнемъ, находя новую пищу въ отвѣтномъ словѣ. Правда, когда моментъ выдвигаетъ передъ востоковѣдніемъ задачи для работы въ глубь, мысль Корша, которая у него все-таки быстро перебѣгала и только скользила, — волнуется, но не удовлетворяетъ слушателя.

Авторитетъ О. Е. Корша, какъ ориенталиста, устанавливается незбылемо уже въ 80-хъ годахъ — и когда зайдетъ въ Москвѣ рѣчь объ учрежденіи при Археологическомъ Обществѣ Восточнаго Отдѣленія, Коршъ будетъ горячимъ защитникомъ идеи М. В. Никольскаго. О. Е. Коршъ, профессоръ-классикъ, будетъ выбранъ и предсѣдателемъ Восточной Коммиссіи; самъ онъ, правда, не рѣшится открыть въ Университетѣ какой-нибудь востокѣднѣй курсъ, — онъ и ѿдовѣрчиво-строгъ къ своимъ познаніямъ и — *sit venia verbo* — добродушно-лѣнивъ, но онъ энергично будетъ способствовать оживленію преподаванія и привлечь въ стѣны старѣйшаго университета перваго русскаго ассириолога, М. В. Никольскаго. Постепенно молва о Коршѣ расходится во всѣ стороны, и отблескъ славы падаетъ на тѣ учрежденія и заведенія, которымъ посчастливилось привлечь въ свою среду О. Е. Корша. Цѣня въ языкѣ живые, народные, діалектическіе элементы, Коршъ учился языкамъ не столько по книгамъ, сколько на живомъ матеріалѣ, на живыхъ людяхъ, и здѣсь заключается рѣдкостно-отличительная черта О. Е. Корша. Онъ зналъ жизнь языка не только въ теоретическихъ построеніяхъ, для него языкъ жилъ, а онъ, властвуя надъ временемъ, могъ охватить ростъ языка въ его исторической перспективѣ. И если какой-нибудь элементъ не былъ сохраненъ памятниками, онъ легко восстанавливалъ утраченное звено и нерѣдко, выставя положеніе, слышалъ подтвержденіе остроумной догадки изъ устъ слу-

чайнаго собесѣдника или посѣтителя, — живого представителя языка, о которомъ шла рѣчь. Ему подсказывало всегда чутье, интуиція.

Конечно, не всегда мысли его были вѣрны. Но пусть онѣ будутъ опровергнуты, да развѣ уже такъ много въ творествѣ человѣка вѣчнаго? И кто поручится, что мысль, тщательно выведенная на сотни фактовъ, обратится въ непреложную истину, а не вызоветъ завтра же вѣскія возраженія? Но, самъ стремительная жизнь, О. Е. Коршъ всегда будилъ въ слушательѣ мысль, онъ творилъ какъ художникъ, и развѣ въ этомъ не лучший залогъ непрерывнаго теченія жизни? Вотъ почему такъ интимно-близки были ему переживанія художниковъ слова, поэтовъ; вотъ почему онъ въ своихъ переводахъ — будь то съ языковъ античныхъ, славянскихъ или восточныхъ — былъ конгеніаленъ съ авторомъ и могъ порою безраздѣльно сливаться съ нимъ.

Да Коршъ и не разрабатывалъ ничего до конца, — слишкомъ кипуче текла въ немъ мысль. Пока онъ говорилъ, напр., о туркахъ, онъ весь отдавался минутѣ; воспринимая во всей совокупности сумму ощущенийъ воинственныхъ сыновъ степей, онъ какъ бы перевоплощался въ турка, и тогда казалось, что онъ — турокъ, плоть отъ плоти, кость отъ костей, — отборная особь народа, сконцентрировавшая въ художественномъ воспріятіи всѣ богатства языка турецкаго, отъ физиологическихъ условій возникновенія его до синтаксическаго строя, гдѣ все, какъ говорилъ часто Коршъ, — «шиворотъ на выворотъ»; ему былъ глубоко симпатиченъ и народный турецкій характеръ, но онъ ясно сознавалъ и аполитичность турка. Но вотъ черезъ минуту внезапно мозгъ его прорѣзала новая мысль, онъ бросалъ все, чѣмъ только-что жилъ, и устремлялся въ другую сторону, и такъ онъ шелъ, онъ безостановочно шелъ туда, гдѣ слыпалъ живой голосъ, который могъ дать ему неиспытанное наслажденіе отъ новаго звука, отъ новой рѣчи.

Но онъ ничего не забывалъ, какъ бы мимолетны ни были встрѣчи или разговоры; гдѣ-то все у него откладывалось, и вдругъ, когда извнѣ былъ толчокъ, все ранѣ слышанное или подслушанное у истоковъ жизни языка отливалось въ одишъ сложный, но цѣльный образъ или картину. Онъ подтвердилъ на себѣ правильность афоризма Макса Мюллера, что для проницательнаго взгляда гения одинъ фактъ равняется сотнѣ, тысячѣ наблюденій, произведенныхъ человѣкомъ зауряднымъ.

Прилежному кабинетному ученому, который располагалъ сотней фактовъ, порою ускользавшихъ отъ Корша, конечно, могло все это показаться страннымъ; онъ недоувѣрчиво смотрѣлъ на работу «дилеттанта», въ которомъ говорила «живая душа». Коршъ былъ смѣлъ, онъ не рѣдился въ тогу непогрѣшимости, но тонкая насмѣшка звучала иногда въ словахъ его, когда онъ какъ-будто ограничивалъ цѣнность замѣчаній, говоря: «Я не специа-

листь, я — не ориенталистъ». И сколько все-таки мыслей, указаній, плановъ изслѣдованія разсыпано всюду у О. Е. Корша. Тамъ начертана почти-что программа изученія восточныхъ языковъ въ Россіи.

Такъ незамѣтно профессоръ-классикъ О. Е. Коршъ оказался знаткомъ цѣлаго ряда восточныхъ языковъ, въ немъ объединились въ Москвѣ живой восточный факультетъ, и въ своемъ интересѣ къ языкамъ финскимъ, проявившемся у него за послѣдніе годы, онъ опередилъ и оффиціальныи факультетъ восточныхъ языковъ въ Петроградѣ, гдѣ до сихъ поръ отсутствуетъ кафедра финскихъ нарѣчій.

И когда въ Петроградѣ шли — между В. И. Ламанскимъ и бар. В. Р. Розеномъ — академическіе споры о томъ, что нужно для Московскаго Университета, учрежденіе ли восточнаго факультета или отдѣльныя восточныя кафедры при историко-филологическомъ факультетѣ, — Коршъ практически разрѣшилъ на себѣ эту задачу: человекъ строгаго метода, онъ, конечно, долженъ былъ одобрять мысль бар. В. Р. Розена о необходимости тѣсной связи между ориенталистами и филологами, но, какъ бы зная, что надежда на близкое учрежденіе восточнаго факультета или даже кафедры обманчива, Коршъ собою какъ бы замѣнилъ въ Москвѣ восточный факультетъ, и у него, профессора-классика, тонко усвоившаго методы филологическіе, находили указанія, поддержку и ободреніе и арабистъ, и иранистъ, и туркологъ, и монголистъ, и гебраистъ, и финнологъ; бесѣда съ «дилеттантомъ» была всегда поучительна и для «спеціалиста»; и когда то было нужно, — онъ охотно бралъ на себя въ Университетѣ востокоевѣдную работу: онъ выступалъ, напримѣръ, оффиціальнымъ оппонентомъ на докторскомъ диспутѣ университетскаго товарища, Вс. О. Миллера, обнаруживъ знаніе языковъ иранскихъ, живыхъ и мертвыхъ; впоследствии, на засѣданіяхъ Восточной Коммисіи онъ былъ единственнымъ оппонентомъ Миллера, какъ кавказовѣда. И все было у него переплетено, и когда онъ о чемъ говорилъ или писалъ, — онъ приводилъ аналогіи изъ различныхъ семей языковъ; мысли О. Е. Корша, оригинальныя, освѣжающія, переливались радужными цвѣтами; разбросанные члены — *membra disjecta* — чело-вѣческой рѣчи у Корша превращались въ живые одухотворенные образы: звучала не мертвая, схематическая рѣчь, вырасталъ живой чело-вѣкъ съ живой рѣчью.

По преимуществу Коршъ былъ аналитикъ, разрабатывалъ какъ будто мелочя, по, какъ бы незначительны ни были вопросы, затронутые имъ, — на нихъ сразу сосредоточивалось напряженное вниманіе слушателя или читателя, они вдвигались въ рамку широкихъ обобщеній и культурныхъ сопоставленій.

Всегда так складывалось, что Коршъ, захваченный чьей-либо работой, вносил свои Beiträge, но эти замѣчанія или дополненія сразу переступали узкія границы темы, и попутно, шутя ставилъ онъ часто новыя темы; статья Корша, написанная «по поводу», превосходила то изслѣдованіе, которое зажгло въ немъ мысль.

Коршъ не былъ реформаторомъ въ области востоковѣдѣнія; онъ не участвовалъ и въ открытіяхъ, измѣнившихъ за послѣднюю четверть вѣка представленіе о турецкомъ мірѣ; но, внимательно слѣдя за работами, какія появлялись въ Россіи или въ Западной Европѣ, онъ улавливалъ быстро сильныя и слабыя стороны, то добродушно, то зло все критикуя, и извлекалъ матеріалъ для доказательства исконнаго культурнаго взаимодействія народовъ, говорящихъ на языкахъ славянскихъ и азіатскихъ.

Официально, такъ сказать, Коршъ былъ иранистъ, потому что въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ преподавалъ онъ персидскій языкъ, но это была все-таки случайность, а скорѣе Коршъ былъ туркологъ, нѣжно любившій турецкіе языки. Вѣрный себѣ, Коршъ, слушая въ Университетѣ утвержденія эстета Петрова, что по-турецки читать нечего, все-таки изучалъ турецкій языкъ, онъ уже давно, — какъ вспоминалъ С. О. Долговъ, — зналъ языкъ татарскій, жадно подхватывая турецкіе звуки у «князей», которые заходили въ домъ отца. Коршъ ясно понималъ значеніе турецкихъ языковъ въ исторіи русскаго языка и культуры; вѣдь турецкій міръ для славянъ сыгралъ преимущественную роль, потому что Востокъ вліялъ на славянъ главнымъ образомъ черезъ турокъ. Сюда изъ классическаго міра привело Корша чутье національнаго русскаго ученаго. Уже въ 80-хъ годахъ Коршъ обнаружилъ широкое и глубокое знаніе турецкихъ языковъ, и онъ неукоснительно изучалъ одинъ восточный языкъ за другимъ. Восточная Европа, зналъ онъ, была ареной для безчисленныхъ народовъ урало-алтайскаго міра, и для всесторонняго освѣщенія доисторической культурной жизни, открывающейся въ языкѣ, необходимы изысканія въ области языковъ иранскихъ, турецкихъ, финскихъ, кавказскихъ и — какъ убѣждался Коршъ, — армянскаго. И только Коршъ, передъ духовными очами котораго жили народы, говорящіе на этихъ языкахъ, могъ бы рѣшить всѣ эти сложные, запутанные вопросы по палеонтологіи языка.

Какъ туркологъ, Ѳ. Е. Коршъ далъ работы и синтетическія — и здѣсь также выступаетъ жизненность обработки темы: набрасывая классификацію турецкихъ языковъ, онъ какъ будто совершаетъ со слушателемъ увлекательную прогулку по землямъ, занятымъ турецкими народами, и бесѣда, которую онъ ведетъ, такъ занимательна, хотя, быть можетъ, и не безспорна, что, навѣрно, заронитъ въ комъ-нибудь желаніе пересмотрѣть

вопросъ. Для него уже безусловно ясно было сродство между отдѣльными вѣтвями урало-алтайскихъ языковъ; во всякомъ случаѣ, находя общность корня для выраженія понятія о чистомъ бытіи въ языкѣ финскомъ и турецкомъ, онъ утверждалъ близость языковъ турецко-татарскихъ и финно-угорскихъ, — фактъ, въ признаніи котораго не сошлись еще специалисты, пугаясь термина «урало-алтайскіе» языки.

Онъ не былъ и поклонникомъ одной какой-нибудь школы, онъ бралъ какъ эклектикъ, ему нравилось все хорошее, гдѣ бы оно ни было: онъ восхищался и точной школой пѣмекскихъ и финскихъ ориенталистовъ и лингвистовъ (Кастрѣна, Сетэля, Фоя и др.), онъ увлекался и французомъ С. де-Саси, мечтая уже на порогѣ смерти замѣнить слабѣющее живое слово персидской хрестоматіей по образцу арабской хрестоматіи де-Саси.

Но школы Коршъ послѣ себя не оставилъ. Да иначе не могло и быть: скептически-насмѣшливый умъ Корша уже на университетской скамьѣ подмѣтилъ недостатки профессоровъ; онъ слушалъ все, что ему говорили, но не поступалъ такъ, какъ ему говорили, онъ ничего не принималъ на вѣру. Но развѣ не довольно и того, что въ каждомъ умѣлъ онъ возбудить мысль, что какъ звонкое эхо откликался онъ на все; а ученикомъ Корша нельзя было стать: ученики Корша — «рождены, не сотворены».

И вотъ онъ ушелъ, и съ нимъ заглохъ въ Москвѣ живой источникъ востоковѣднія, смерть больно отдалась между заочными учениками его, столичными и провинціальными, разбросанными по всему лицу земли русской.

Но памятникомъ — *aere perennius* — О. Е. Коршу было бы возрожденіе научнаго изученія восточныхъ языковъ въ Московскомъ Университетѣ; это повелительно диктуется требованіями и науки, и политики: война выдвинула передъ Россіей на ближнемъ Востокѣ, а можетъ быть, и внутри Имперіи сложныя національныя проблемы, и для правильнаго разрѣшенія ихъ необходимъ научный авторитетъ русскаго востоковѣда, необходимы кадры образованныхъ ориенталистовъ для службы на мѣстахъ. Вѣдь было бы горько думать, если бы и послѣ войны мы услышали что-нибудь вродѣ того, о чемъ повѣдалъ недавно акад. В. В. Бартольдъ, редакторъ перваго, прекращеннаго, журнала «Міръ Ислама»: „Если намъ нужно что-нибудь научное, — сказалъ академикъ «сановникъ съ русской фамиліей», — мы находимъ это въ заграничныхъ изданіяхъ“. У русскаго востоковѣднія могутъ и должны быть свои, національныя, задачи, гдѣ заграничныя указки мало помогутъ; пора бы этой аксіомѣ войти въ сознаніе власть имущихъ.